

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne

Издательство и редакция: Verlag „Posse“,
Limburg/Lahn, Deutschland.

Условия подписки: 5 ном. — 3 RM. 10 — 6 RM и т. д.

Условия приема объявлений: 1/16 — 60 RM 1/8 —
100 RM, 1/4 — 180 RM, 1/2 — 350 RM, 1 стр. — 700 RM

Bankkonto: Limburger Bank V 14. Postscheckkonto:
Frankfurt-M. 33 461.

Еженедельник общественной и политической мысли

Выходит по воскресеньям.

Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

VI ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 ИЮЛЯ 1950 г.

№ 29 (216)

НА ПОРОГЕ

В. Поремский (Васильев)

Если бы в мире существовал какой-нибудь сверх-объективный и абсолютно беспристрастный наблюдатель и ценитель современной культуры, то возможно он внес бы в состав участников «Конгресса борьбы за свободу культуры» кое-какие коррективы. Если бы Конгресс происходил не на острове свободы, заливаемом со всех сторон волнами тоталитарного моря, а, скажем, в Сант-Яго де Чили, то вероятно характер поставленных на обсуждение тем и тон принятых решений был бы несколько иными, нежели в Берлине. Если бы не случились события в Корее (непредвиденное, но сколь символическое совпадение: здесь — идеи, там — пушки!), кое-что на Конгрессе прозвучало бы по-другому.

Но в то же время — и состав участников Конгресса и место его заседаний и время их вполне характерны и репрезентативны как для проблематики переживаемой нами эпохи, так и для духовного облика интеллектуальных ее представителей. Иные люди (отсутствовавшие на Конгрессе, либо не приглашенные на него) сказали бы то же самое в несколько других выражениях; не соберись они в Берлине — их речи не были бы столь страстны; не случись событий в Корее — их голос не

был бы столь тревожен. Но это была бы лишь разница в нюансах и интонациях, а не в смысле и не в направленности. Иными словами, — Конгресс не мог бы быть задуман и проведен сущест-венно иначе!

Это — не случайно, в этом отражены роковые моменты, определяющие лицо нашего времени. Конгресс, став на защиту свободы и во имя ее собравшись, не мог не поставить на разрешение те вопросы, которые жизнь и история выдвинули перед всем человечеством. В критические, кризисные периоды и жизнь и история недвусмысленно ставят свои категорические требования. От них не может уклониться ни подлинный ученый, ни искренний художник или писатель, ни честный публицист. Мир свободной культуры в том ее виде, в каком она ныне существует за рубежами стран диктатуры, будучи поставленным перед дулом тоталитарного пистолета, мог реагировать на угрозу своего уничтожения только так, как это было сделано в Берлине.

Реакция эта чрезвычайно симптоматична, так как она обнаруживает как сильные, так и слабые стороны свободного мира.

Известная двойственность и нерешительность (не отдельных участников, а Конгресса в целом) вместе с горячим желанием преодолеть как первое, так и второе — красной нитью прошли через все дискуссии. Особенно ярко это обнаружилось в обсуждениях трех центральных тем: темы о свободе и ее границах, темы о старом и новом в политике, темы о России.

*

Может ли свобода простираться до того, чтобы допустить и свободу борьбы против себя самой? Можно ли во имя свободы быть терпимым к нетерпимым? Допустимо ли свободное принятие диктатуры? Увы, ответ на этот

вопрос не может быть однозначным, в силу авторитарного и императивного характера Истины. Разве нашедший истину не вправе за нее бороться? А что если истина, во имя служения себе, потребует ограничения или уничтожения свободы? Задача таким образом сводится к следующему: как сочетать императивный характер истины с вытекающим из абсолютной свободы принципом неограниченной терпимости?

Можно ли: или, исходя из абсолютной терпимости, провозгласить относительность всякой истины (ибо только в таком случае возможно терпимое сосуществование различных истин!); или, исходя из утверждения о наличии абсолютной истины, признать ограниченный характер терпимости (ибо только в таком случае возможна нетерпимость к душителям свободы). Но ведь провозглашение относительности всякой истины делает относительным и утверждение о том, что свобода является высшим благом; а утверждение о наличии абсолютной истины допускает предположение, что она может находиться и у тех, кто свободу приносит в жертву служению своим идеалам.

Конечно, возможно какое-то практическое, компромиссное и условное решение этого вопроса (оно и было найдено в манифесте Конгресса), но в плоскости принципиальной, в той сфере чистого духа, в которой чувствовали себя обязанными находиться участники Конгресса, ответ не только не был найден, но наоборот — привел к резкому столкновению различных тенденций. Несколько заостря противоречия, можно сказать, что участники Конгресса разделились на сторонников интегральной свободы, уклоняющихся по принципиальным соображениям от борьбы за нее, и на сторонников борьбы за свободу, по столь же принципиальным соображениям уклоняющихся от признания ее интегральности.

Это противоречие обнаружилось во всем: в требовании Кестлера дать категорический ответ «да, да!» или «нет, нет!» тоталитарному большевизму и в отказе дать этот ответ (боязнь голого

В номере:

**СВОБОДА ПЕРЕХОДИТ
В НАСТУПЛЕНИЕ
МАНИФЕСТ СВОБОДЫ**
(Берлинский Конгресс борьбы
за свободу культуры)

Артур Кестлер
ЛОЖНАЯ ДИЛЕММА

А. Казанцев
ТРЕТЬЯ СИЛА